

Какая проблематизация неклассической теории права нам нужна? Рецензия на коллективную монографию «Постклассическая онтология права» (под общ. ред. И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с.)

Беляев М.А.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры онтологии и теории познания
Воронежского государственного университета
E-mail: yurist84@inbox.ru

Аннотация. Рецензия на коллективную монографию «Постклассическая онтология права» посвящена первому в истории современной юридической науки проекту категоризации правовой реальности посредством привлечения новейших философских концептов.

Ключевые слова: онтология, эпистемология, теория права, феноменология, диалог, парадигма мышления.

«**В**сякое начало трудно» — говорили древние. Эта сентенция тем более верна, если начинать приходится с тех основоположений, которые сами до конца не определены. Именно в такой ситуации оказались авторы коллективной монографии «Постклассическая теория права». Их благородные замыслы столкнулись с коварным (с познавательной точки зрения) фактом: отсутствием сколько-нибудь внятного онтологического дискурса о праве, могущего претендовать на статус общепризнанного и устоявшегося. Сама приставка «пост-» подразумевает наличие той основы, от которой мысль призвана оттолкнуться (или которую желала бы оттолкнуть подальше в сторону). Стало быть осмыслению должна быть подвергнута именно «классическая» онтология права, но знание с подобным статусом никогда не существовало в виде корпуса текстов или набора идей. Не наблюдалось подобного явления и в зарубежной науке, хотя попытки были многочисленные и плодотворные, но нас, конечно, интересует отечественный дискурс.

Пусть это не кажется радикальной декларацией: историк мысли мог бы привести множество доводов в пользу того, что онтологии как системообразующей отрасли философского знания в XX в. вообще хронически не везло. Тому можно найти как минимум три причины.

Во-первых, онтология как учение о подлинно существе была дискредитирована усилиями сторонников сначала марксизма, потом фрейдизма, а затем и адептами критической теории, чей пафос сводился к подозрению и разоблачению любой независимой от субъекта вещи, любого объективного процесса.

Во-вторых, онтология как учение о родах и видах сущего оказалась вытеснена естественными науками, самостоятельно задающими картину до-

ступного для наблюдения мира (да и дискуссии на эту тему сместились в область физики, химии, биологии, а затем и когнитивной лингвистики).

В-третьих, онтология как единый проект оказалась расплыта на множество мелких («региональных») проектов, главным образом, благодаря развитию феноменологической традиции мысли (которая, как нам представляется, единожды придав акту смыслового различения статус *ultima ratio* в деле категоризации действительности, обрекла действие разума на принципиальную незавершенность и в этом смысле «атеоретичность»).

Что же касается онтологического представления правовой жизни, ему в отечественной науке повезло еще меньше: господствующая парадигма исторического материализма провозгласила отсутствие у права собственной истории и теории, в силу чего вопрос, казалось, был закрыт навсегда. К счастью, судьба распорядилась иначе, идеологический монизм оказался свергнут, открывшаяся множественность стилей и идеалов рационального мышления предоставила исследователям ряд более тонких в операциональном смысле познавательных инструментов, нежели это могла сделать ленинская диалектика. Но стоит понимать при этом одну очень важную вещь: интеллектуальные формы и образцы, бытующие в духовной культуре, сами по себе работать не начинают, здесь требуется усилие воли со стороны субъекта, смелость не понимать якобы самоочевидное, претензия на революционное видение обстановки. Всего этого теоретикам очень не хватало, и вот теперь, кажется, перед нами первая ласточка, открывающая весну новой философии права. Взглянем же пристальнее на предлагаемые читателю тексты (я говорю о текстовом «многоединстве», поскольку они все очень яркие, индивидуальные, за каждым из них — лич-

ность исследователя с собственными амбициями и планами, солидным идейным *background'ом*).

Как было сказано, онтология права к самоочевидным темам никогда не принадлежала, поэтому каждый из участников авторского коллектива был вынужден совершать двойную умственную работу: вначале нужно было реконструировать слой собственно классических идей, а затем «развернуть» его под определенным углом, сделав доступным для критики, и уж в ходе последней осуществить желаемое замещение классики «постклассикой». И коль скоро работа эта чрезвычайно трудна и вряд ли могла быть нормирована какой-либо готовой к употреблению логикой, методологические сбои и трудности, проявившиеся в некоторых местах рецензируемого текста, отнюдь не свидетельствуют о провальности замысла создать новую философско-правовую концепцию. Речь скорее должна идти о невыполненной до конца реконструктивно-рефлексивной задаче. Такое объяснение вполне понятно, оно никак не вредит общему интересу к данной теме, напротив, в какой-то степени его подогревает, ибо читатель здесь приглашается к диалогу и сотрудничеству.

Прежде чем оценивать конкретные идеи и решения, следовало бы сказать несколько слов о современном понимании онтологии. Господствующая в западном мире традиция аналитической философии продолжает полагать онтологию развитием неотомистского (а значит и неоаристотелевского) взгляда на мир. Это означает, что задача метафизики (в данном случае она синонимична онтологии) заключается в возможно более полной категоризации действительности при помощи заданной совокупности философских средств, т.е. концептов. Онтологические дискуссии сосредоточены вокруг двух главных вопросов: каков минимальный набор объектов, достаточных для моделирования реальности, и каковы те отношения, которыми мы должны связать эти объекты. Это — строгое понимание онтологии, и далеко не все философы его разделяют, хотя среди тех, кто не разделяет, многие все же тяготеют к строгости (таков, к примеру, Хайдеггер). И в этом русле действительно имеет место то, что И.Л. Честнов называет главным признаком классической онтологии, а именно, тождество бытия и мышления (хотя бытие как термин отошло сегодня всецело в область феноменолого-экзистенциальных штудий и для философов-аналитиков кажется «темным местом» в плане смысла). Конечно, философы готовы поспорить и о природе мышления, но важно не это, а общая установка метафизики, не меняющаяся со времен Парменида и Платона. Переведа ее на современный язык, получим вот что: не попадающее в рамки формальных моделей не может быть соотносено с действительностью, поскольку сама модель и

есть единственно доступное средство такого соотношения. Это — сверхкраткое *credo* онтологии в ее классическом изводе. Отсюда просматриваются только два пути в сторону нового: замена одной формальной модели на другую («горизонтальная» или экстенсивная логика) либо отказ от самого принципа тождества бытия и мышления («вертикальная» или интенсивная логика). Модификация метафизической системы обычно имеет строго концептуальные причины (первая в истории философии отрефлектированная заявка такого рода содержалась в апориях Зенона и ответе на них, данном Аристотелем), а демонтаж этой системы — исключительно опытные, но не эмпирические, а экзистенциальные основания (такова, к примеру, стратегия Ницше, отчасти Шопенгауэра и т.п.).

В этом отношении рецензируемая монография демонстрирует как первый путь, так и второй. Например, в тексте С.И. Максимова «Концепция правовой реальности» перечисляются формы бытия права, среди которых названы идея права, правовые нормы и законы, правовая жизнь. Разумеется, перед нами пример альтернативной формальной модели, которая остается чувствительной к исторически заданным дистинкциям: противоположность «права в книгах» и «права в жизни» зафиксирована здесь категориально. Собственно говоря, оппозиция правовой идеи и нормы закона также достаточно хорошо осознана, так что автор совсем не преувеличивает, говоря, что существуют «очевидности, которые не имеют предметного бытия, но с которыми мы не можем не считаться» (с. 24). Проблема здесь видится в другом: как осуществлять селекцию? Далеко не всякое различие, данное сознанию, может породить теоретическую оппозицию. Иногда ассоциации должны оставаться на том месте, которое им подобает, и делать далеко идущих выводов из них не нужно, а когда подобного рода выводы вынесены на всеобщее обозрение, остается ощущение, что автор явно поторопился. Иллюстрацией служит тезис С.И. Максимова о «специфических мотивах оправдания права» в Западной Европе в эпоху становления юридического мировоззрения. Автор пишет, что в Германии таким мотивом была свобода совести, в Англии — польза, во Франции — интерес (с. 56). Россия же (равно как и Украина) к таким мотивам органически не чувствительна, в основном, в силу симпатий к православию — продолжает автор. Мне представляется, что он тут изменяет своим собственным установкам: если уж формы правовой реальности брать как нечто очевидное, то указанное различие лишено очевидности вообще и в принципе не дотягивает до эйдетического уровня (не говорю уже о том, что в воздухе повисает вопрос: каким методом получен этот вывод? Это результаты включенных наблю-

дений, свободных ассоциаций ума, социологических опросов, контент-анализа исторических источников или чего-то еще?). Точно так же дополнительного осмысления требует соотнесение сущности права и его существования (с. 28). Если формой бытия права предполагается правовая жизнь, кажется, что обращение к существованию как философскому понятию избыточно. К тому же, метафизика знает две ситуации: либо существование признается свойством сущности наряду с прочими свойствами — тогда нет проблемы в их соотношении, либо существование признается дополнительным фактом о данной сущности — и тогда либо этот факт присутствует (и мы говорим о действительном мире или существовании в действительности), либо отсутствует (и тогда можно вести речь о возможном существовании или существовании в возможном мире). Конечно, можно обвинить позитивизм в сведении сущности права к его существованию, однако убедительность этой фразы проистекает из ее звучания, а не значения. Любая теория не может игнорировать наличное бытие своего предмета, юридический позитивизм — не исключение. Но чтобы за пределами существования усматривать какую-либо сущность, нужно, во-первых, опираться на нетривиальную метафизическую аксиоматику (чего ни одна концепция права не демонстрирует), а во-вторых, исходить из мотивов, лежащих за пределами познания как такового (таких мотивов множество: общее критическое отношение к институтам власти, чувство солидарности с исследовательским сообществом, социальной группой, классом либо исполнение конкретного социального заказа и т.п.). Да и метафизика, говоря строго, рассматривает возможное существование по аналогии с фактическим, вводя лишь те минимальные различия, которые нужны для семантических целей (такова, например, концепция возможных миров Д. Льюиса). Таким образом, легитимация требуется не только для самих нормативных систем (о чем автор весьма убедительно говорит на с. 45), но и для соответствующих концепций.

В этом отношении интересным и глубоко проработанным является текст И.Л. Честнова «Постклассическая диалогическая онтология права». Глава занимает центральное место в книге — как по объему, так и по уровню используемых аргументов. Идея автора состоит в том, что многомерность права как явления — не случайный факт, которого могло бы и не быть, а закономерность общественного бытия. Последнее постигает и осмысляет само себя через качественно разнообразные процессы коммуникации, так что новой онтологии можно смело приписать предикат «диалогическая». Исходная клеточка новой модели — социальное взаимодействие, создающее и перманентно воспроизводящее все

свои логические части: субъектов, средства взаимодействия и смыслы. Диалогичность бытия человека обнаруживается, как верно замечает автор, в философии и социально-гуманитарных науках в XX в., причем данный принцип позволяет не просто критически отнестись к установкам эпохи модерна, но и создать неклассическую теорию познания (в том числе, правовую эпистемологию) за счет отказа от бесплодных абстракций (вроде атомарного «Я», самотождественной реальности, рационально действующего индивида и пр.). Онтологические представления о праве — суть результат эпистемологических сдвигов (или не прямой их продукт, но сопутствующее явление). И хотя автор порой привлекает для обоснования своих идей материал, который напрямую не затрагивает область социальных норм (второе начало термодинамики, теоремы Геделя о неполноте), с общими выводами, представленными в тексте, спорить трудно, да и не нужно. Действительно, новая онтологическая модель права, если она хочет быть ближе к реальности, обязана исходить из факта конструирования социальных смыслов (следовательно, и объектов) происходящего в сети многочисленных интеракций. Здесь создаются и деформируются любые сущности, всякое тождество ограничено определенным интервалом времени, а закрепление за правовой системой строго установленного набора референтов должно быть критически переосмыслено. Я возьму на себя смелость полагать, что И.Л. Честнов тяготеет ко второму варианту правовой онтологии — тому, который строится за счет отказа от принципа тождества бытия и мышления. Это неординарная заявка, сопряженная с большим количеством трудностей явного и скрытого типа. Озвучу лишь некоторые. Во-первых, бытие, выходящее за рамки концептуального представления о нем, всегда маркировалось как иррациональное (конечно, принимая при этом исторически различные виды — от Единого у Плотина до Реального у Лакана). Но невозможно продуктивно развивать онтологию иррационального: здесь есть место либо для апофатки (субъект принимает невыразимость бытия как определяющее свойство), либо для терапевтического воздействия (тогда субъект примиряется с невыразимостью в себе самом, но под неким благовидным предлогом отказывается от рефлексии в пользу стабильного состояния ума). Говоря точнее, онтология иррационального вообще не развивается, она живет от одного актуального события до другого (как это иллюстрирует, например, С. Кьеркегор, замороженный событиями, происходившими с Авраамом и Иовом, и выносящий эти события из собственно исторического измерения в измерение личное). Новое знание в этом случае будет — в силу событийности — радикальным разрывом с прежним (а прежнее

знание непременно объявляется ересью). Таким образом, какая-либо теория (именно как единица мышления) здесь проблематична. Во-вторых, в силу тех же факторов под вопрос ставится и преемственность в социальном измерении, т.е. феномен научной школы. В-третьих, следование диалогической концепции права требует от юристов освоения такого числа неюридических понятий, теорий и закономерностей, что я сильно сомневаюсь в широком распространении данных идей среди практиков. Наконец, диалогическая концепция права, внутри которой сохраняется иррациональное ядро, вряд ли может быть презентована обществу как прагматически полезная. Во всяком случае, для доказательства этой полезности ее сторонники вынуждены будут приводить только рациональные доводы, но можно ли их приводить, если не верить в рациональность как всеобщее свойство человеческой практики, испытывая «недоверие к метанарративам»? Все эти доводы свидетельствуют о том, что модель И.Л. Честнова требует дальнейшей глубинной проработки и сопряжения с более частными концепциями, составляющими правовую доктрину.

Проблема создания новой онтологии права заключается в том, что еще не пройден долгий и сложный путь ассимиляции тех философских идей, которые методологически обеспечивают желаемый уровень новизны. Самым ярким примером серьезного освоения философии выступает глава М.В. Ульмер-Байтеевой «Правопонимание в контексте постклассической онтологии». Здесь предпринята попытка приспособить к юридическому мышлению феноменологию Э. Гуссерля. Автор исходит из того, что в силу интенциональных различий можно обнаружить не единый онтологический домен права, а множество «регионов» правового бытия. Целое здесь фигурирует не в виде структурной аксиомы, а как горизонт различных представлений. Конечно, подобного рода соединение смыслов остается во многом на уровне заявки, поскольку Гуссерль все же не оставил нам однозначных указаний по поводу того, как именно нужно фиксировать интенциональные различия, обнаруживаемые рефлексией. Может показаться, что онтологическое измерение присуще буквально любой хорошо продуманной дистинкции, и автор, кажется, попадает в сети этой иллюзии, ссылаясь на Уилларда ван Ормана Куайна как автора непредметной онтологии. В действительности, куайновский проект не имеет никакого отношения к самому противопоставлению «предметное» — «непредметное», поскольку философ по своим метафизическим предпочтениям большую часть жизни был номиналистом, а для номинализма предметность как характеристика лишена смысла. Другое дело, что если любая интенциональная

разница, выявленная в созерцании «правового эйдоса» действительно порождает разницу онтологическую (а значит и категориальную), то мы и впрямь придем к номиналистической метафизике, которая, как понял в зрелом возрасте тот же Куайн, не может быть построена удовлетворительным образом.

Глава «Права человека и суверенитет государства», написанная А.В. Поляковым, начинается с весьма интересного заявления автора о принципиальном различии постклассической науки и постмодернистской философии. И в этом тезисе заключен довольно глубокий смысл: если постмодернизм провозглашает недоверие к метанарративам (Лиотар) и познавательный анархизм вкупе со «смертью автора», то постклассическая наука все же продолжает оставаться наукой, т.е. областью коллективных практик, основанных на вполне ясно артикулированных ценностях и представлениях об истине, реальности и эффективной научной методологии. Коммуникативный подход к праву, являясь научным, ни в коей мере не относится к постмодернизму. Он не скользит по поверхности сущего, но углубляет наше понимание права, двигаясь от «сущности первого порядка» к скрытым, но не менее реальным связям права с другими системами социального происхождения. В центре коммуникативной онтологии права находится субъект, обладатель суверенитета (личность суверенна не в меньшей степени, нежели государство). Понятие суверенитета, утверждает А.В. Поляков, может быть сведено к правосубъектности, а она, в свою очередь, должна быть признана естественным (т.е. неотчуждаемым) правом. Таким образом, право не может существовать в ситуации забвения личностно-коммуникативного начала. Любые сверхиндивидуальные образования утрачивают смысл, если это начало оказывается подавленным и стесненным. Нужно помнить, что государство есть не что иное, как люди, проживающие на данной территории, люди сами по себе и их жизненный мир. Другими словами, неклассичность правовой онтологии состоит скорее в возвращении ряду общих понятий их истинного философско-правового содержания, а не в изобретении альтернативной терминологии. Здесь, конечно, с автором следует безоговорочно согласиться: новое чаще всего и есть хорошо забытое старое.

В главе «Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления» (автор — Е.В. Тимошина) убедительно показано, что между классикой и постклассикой как версиями общей теории права нельзя (или непродуктивно) усматривать парадигмальный сдвиг. Гораздо корректнее говорить о различных стилях мышления при сохранении единого представления о научной рациональ-

ности как ценности. Далее автор предлагает набор характеристик, которые позволили бы осуществить обобщающую реконструкцию и сравнение классического и постклассического правопонимания. Своеобразие стилевых особенностей дано здесь в нескольких философских измерениях — онтологическом, эпистемическом, аксиологическом и деятельностном. Эти четыре измерения образуют матрицу, внутри которой может быть осуществлена типология правопонимания с любым конкретным содержанием. На мой взгляд, данный тезис автора лишний раз свидетельствует в пользу того, что курс о сущности и существовании права (что бы мы под ним ни подразумевали) требует соответствующей методологической подготовки. Онтологии должна предшествовать рефлексия, моделированию — соответствующая проблематизация. В противном случае не гарантированным оказывается какой-либо внятный научный результат.

Иллюстрацией последнего утверждения выступают тексты В.И. Павлова «Антропологическая концепция права» и А.В. Стовбы «Темпоральная онтология права». У них много общих черт: авторы заявляют о принципиальном разрыве своих теорий с общепринятыми исследовательскими установками, конструируя при этом сеть концептов, призванных отразить самые новые фундаментальные интуиции о природе права. Расхождение тут касается исследовательской идентичности, в доступной форме открываемой читателям (В.И. Павлов предпочитает опираться на синергичную антропологию С. Хоружего, в то время как А.В. Стомба эксплуатирует преимущественно хайдеггерианскую онтологию). В чем суть претензий авторов? Отмечается, что описание правовой реальности посредством понятий «сущность», «субъект», «субстанция» не продуктивно, ибо выносит за скобки самое главное в праве — его антропологическое (вариант Стовбы — темпоральное) измерение. В действительности право не есть сущность, право есть существование (Стовба: правовое бытие есть то, что сбывается во времени). Субъект права, если характеризовать его подлинный способ осуществления, не метафизичен, но антропологичен. Отсюда вытекают все характеристики новой онтологии: погруженность в правовую жизнь, динамизм, процессуальность, конкретность, ситуативность и пр. При этом, собственно, текст права ни в каком случае его сущность раскрыть не может, это не более чем материал для догматических упражнений и спекуляций. Различие же между естественным и позитивным правом может быть рассмотрено на онтическом уровне (и тогда его скорее нет), а также на онтологическом уровне, благодаря которому видно, что позитивность есть синоним (симптом) инструментальности, а «естественность» — признак подлинности

существования. Таким образом, новая онтология права, считают авторы, возможна благодаря отказу от объектно-субъектной парадигмы в пользу иных схем, благодаря которым познание права оборачивается пониманием правового бытия, в конечном счете — самопониманием личности, бытийствующей с Другими. Не буду спорить: эти взгляды оригинальны и приковывают к себе внимание. Однако пока их плодотворность остается под большим вопросом. Вообще, было бы методологически наивно полагать, что замена одной схемы рассуждений на другую окажется способной привести к каким-либо значимым результатам. Все же, и синергичная антропология, и экзистенциальный вариант феноменологии выросли на почве, не имеющей никакого отношения к проблемам собственно правовой теории. То, что эти две установки говорят нечто о бытии человека, не означает автоматически их верности применительно к бытию субъекта права. Идея терминологической (и идейной, конечно) революции в общей теории права захватывает, но она похожа на классическое отношение к классической же онтологии, когда кажется, будто все можно поменять, вводя новые сущности или новые отношения между ними. Как бы то ни было, прямое использование философии в дискурсе о том, что есть право, не слишком эффективно: с одной стороны, вроде бы удастся ликвидировать все концептуальные лакуны и создать некую модель, а с другой стороны, пробелы между партикулярными тезисами заполнены столь абстрактными утверждениями, что сообщество юристов никогда не сможет или не пожелает заняться их распрямлением — для этого просто нет поводов. Философия, повторю, будучи используемой вне связи с реальными потребностями конкретной науки, превращается в поставщика псевдоэвристических конструкций, попутно обесцениваясь и в своих лучших образцах (как метафизика и эпистемология). Религиозная антропология и хайдеггерианство, как представляется, могут работать на поле критики устаревших догм, но в плане производства нового знания они не так успешны, как это кажется уважаемым авторам.

В главе «Российский правовой реализм» (автор — Е.Н. Тонков) предпринята интересная попытка реконструировать правовую онтологию, двигаясь не «сверху» (с философского уровня), а «снизу» — от практик. Как утверждает автор, если под правом в объективном смысле понимать совокупность способов и результатов возникновения субъективных прав и обязанностей, то юридическую практику можно считать весьма распространенным источником права. С этой точки зрения практическая (т.е. правовая) жизнь являет собой неиссякаемый источник наблюдений и общетеоретических выводов. В главе рассматривается российское право эпохи госу-

дарственно-монополистического капитализма, выявляются исторические особенности российского правового реализма, который сопоставлен с реалистическими учениями о праве в их канонических вариантах (скандинавская школа, американский реализм и пр.). Особое внимание автор уделяет интерпретаторам права и субъектам насилия, показывая, где и как эти две иерархии вступают в отношение взаимопересечения. Общий вывод заключается в том, что онтология права есть картина взаимодействия индивидуальных нормативных систем, признающих общие правила нормативности. В этом смысле для теории актуальной проблемой является анализ форм такого признания относительно правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности.

Авторы иных глав книги (анализировать которые подробно не позволяет ограниченный размер текста), среди которых А.С. Александров, И.А. Александрова, Н.В. Андрианов, В.В. Терехин, также озабочены проблемой обновления теоретико-правового дискурса и выдвигают собственные варианты такой адаптации науки к актуальным запросам исследовательского сообще-

ства. Как представляется, эти гипотезы в любом случае не лишены смысла, хотя бы и в статусе мысленного эксперимента. Важно тут другое: дебаты о правовом бытии не могут замыкаться в узком кругу лиц, широко эрудированных в современной философии. Последняя опасна как раз в силу своей универсальности, ее «теоремы» приложимы буквально к любой человеческой деятельности, она создает вокруг себя ауру «окончательного разрешения» любых мировоззренческих трудностей. Но истинный научный результат должен быть релевантен запросам практики и понятен широкому сообществу исследователей. Вследствие этого, по моему глубокому убеждению, магистральной линией развития дискуссии о правовой онтологии должно стать не углубление рефлексии, а расширение множества дискутируемых вопросов и «заземление» новой доктрины на догму права, от которой юристам *volens-nolens* бежать некуда, да и незачем. Что же касается рецензируемой монографии, она несет в себе и плюсы, и минусы «пробного камня», но мне бы хотелось, чтобы этот камень стал со временем краеугольным. Все предпосылки для этого (как персональные, так и, собственно, тематические) налицо.

What Kind of Problematization of Nonclassical Theory of Law Do We Need? Review of the Collective Monograph «Postclassical Ontology of Law» (edited by I.L. Chestnov, St. Petersburg: Aleteya, 2016. — 688 p.)

Belyaev M.A.,
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Ontology and Theory of Knowledge Voronezh State University
E-mail: yurist84@inbox.ru

Abstract. This review is devoted to project of categorization of legal reality by using modern philosophical concepts. The results of this project are presented in the first collective monograph on the topic of ontology of law.

Keywords: ontology, epistemology, legal theory, phenomenology, dialog, paradigm of thinking.
